

DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-42-56](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-42-56)

А-СВЯЩЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: ИМАГОЛОГИЯ «СВЯТОГО ЕРЕТИКА»

М. В. Первушин

ИМЛИ РАН, Москва, Россия

1609pm@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена особенностям формирования сакральной топографии Пскова с XV века. Сакрализация среды жизни средневекового общества неизбежна. Она формирует в нём особое пространство. Это пространство будет свойственно только данному обществу. И именно культурная память города способна формировать как его положительную сакраментальную топографику, так и служить источником для создания а-священного пространства. Вместе с тем, следует пояснить, что понимание «а-священного» находится не в плоскости несвященного или профанного, низменного, а скорее в качестве противоположности священному, почитаемому, чтимому. Важнейшая задача в изучении сакрального пространства — восстановить связь городской среды с идейными программами прошлого, с намеренным и ненамеренным воздействием представлений рядовых горожан и правителей города на процесс его изменения. Причём такое изучение в первую очередь относится к сфере истории сознания, истории намерений видоизменить среду, а отчасти — к истории знаний о ней и отражения ее в сознании современников. Обратимся к Псковской земле. В ее уникальной сакральной топографии наличествует, пожалуй, единственный во всём христианском мире, монастырь, названный мирским именем его основателя — Елиазаров монастырь. Удивительный факт аномалии псковского городского сакрального пространства смогла сохранить неизменно на протяжении пяти сотен лет только культурная память города. И чтобы понять, каким образом образовалась такая аномалия псковского сакрального пространства, да к тому же смогла сохраниться, необходимо обратиться к истории развития местной церковной структуры в ее связях с социальными институтами Пскова, а также к истории жизни самого подвижника, преподобного Евфросина.

Ключевые слова: Псков, православие, город, сакральная топография, монастырь, Евфросин, святость, имагология, древнерусская литература.

Для цитирования:

Первушин М. В. А-священное пространство города: имагология «святого еретика» // *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*. 2022. № 2 (3). С. 42–56.
DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-42-56](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-42-56)

For citation:

Pervushin M. A-sacred Space of the City: Imagology of the "Holy Heretic". *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2022. 2 (3). P. 42–56.
DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-42-56](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-42-56)

A-SACRED SPACE OF THE CITY: IMAGOLOGY OF THE "HOLY HERETIC"

Mikhail Pervushin

IWL RAS, Moscow, Russia

1609pm@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the formation of the sacred topography of Pskov in the 15th century. The sacralization of the living environment of medieval society is inevitable. The sacred environment forms a special space in it. This space will be peculiar only to this society. And the cultural memory of the city is able to form both its positive sacramental topography and serve as a source for the creation of a-sacred space. At the same time, it should be clarified that the understanding of "a-sacred" is not in the plane of the unholy or profane, base, but rather as the opposite of the sacred, revered. The most important task in the study of sacred space is to restore the connection between the urban environment and the ideological programs of the past, with the intentional and unintentional influence of the ideas of ordinary citizens and city rulers on the process of its change. Moreover, such a study primarily relates to the field of the history of consciousness, the history of intentions to modify the environment, and partly to the history of knowledge about it and its reflection in the minds of contemporaries. Let's turn to the Pskov land. In its unique sacral topography, there is, perhaps, the only one in the entire Christian world, a monastery named after the secular name of its founder – the Eliazar Monastery. The amazing fact of the anomaly of the Pskov city sacred space was able to be preserved unchanged for five hundred years only by the cultural memory of the city. And in order to understand how such an anomaly of the Pskov sacred space was formed, and besides, it was able to survive, it is necessary to turn to the history of the development of the local church structure in its relations with the social institutions of Pskov, as well as biographies of the ascetic St. Euphrosynus himself.

Keywords: Pskov, Orthodoxy, city, sacred topography, monastery St. Euphrosynus, holiness, imagology, old Russian literature.

Вводное слово

Некоторые исследователи городского сакрального пространства считают, что его формирование происходит задолго до того момента, когда это пространство начинает приобретать такой статус [Алексеева 2020, 142–143]. Тезис, безусловно, спорный. Однако, несомненно, то, что сакрализация среды жизни обязательна и она формирует особое, свойственное только данному обществу пространство как священное, так и а-священное.

Реконструирование подлинной текстуры сакрально-топографического пространства [Баталов, Беляев 2010, 19–21] должно основываться только на тех источниках, в которых можно проследить становление и развитие его частей. Части же этого пространства состоят не только во внешнем облике архитектуры, в развитии приходского и частного храмостроительства, но и в элементах церковной жизни: динамике изменений церковного управления, введении новых праздников, трансформации системы религиозных процессий и т.п. Именно эти источники позволяют прочесть изучаемую городскую среду как *мета-текст*, то есть как многослойную систему сообщений [Аванесов 2016, 74], что, в свою очередь, очерчивает контуры сакрального пространства города, его осмысления и восприятия последующими поколениями, обнажает их идейно и социально обусловлен-

ные действия, которые приводили к возникновению определённой топографии. Разнообразие этих действий культурно-конфессионального, мировоззренческого, идеологического, исторического, литургического, эсхатологического и прочих характеров, а также выяснения реальной истории развития местной церковной структуры в ее связях с политикой, экономикой, социальными отношениями и порождало черты своеобразия, особенности структуры сакрального пространства той или иной изучаемой местности.

Цель исследования — показать, что культурная память города способна не только формировать его положительную сакраментальную топографику, но и служить источником для создания и а-священного пространства, свойственного данному сообществу. Вместе с тем, следует пояснить, что понимание «а-священного» находится не в плоскости несвященного или профанного, низменного, а скорее в качестве противоположности священному, почитаемому, чтимому.

О главном

Обратимся к Псковской земле. В ее уникальной сакральной топографии наличествует, пожалуй, единственный во всём христианском мире, монастырь, названный мирским именем его основателя — Елиазаров монастырь. Это также невероятно и странно, как если бы сейчас Сергиева лавра под Москвой называлась Варфоломеевой. Елиазаров монастырь до сих пор носит это имя, правда, сегодня с приставкой «Спасо-» (ил. 1).

Ил. 1. Спасо-Елеазаров монастырь, современный вид:
Источник: <https://clck.ru/32ZYU4>

Спасо-Елеазаровский монастырь в Псковской земле — не самая известная монашеская обитель. Однако занимает особое место в истории России по значимости для ее культуры и общества. Именно сюда, в пустынный, расположенный среди лесов монастырь как эстафета преемственности была принесена Цареградская икона Божией Матери — дар Константинопольского патриарха. Символично и то, что этот дар был сделан накануне

принятия Константинополем Флорентийской унии. В XVI веке монастырь сделался рассадником образования. Здесь переписывались и хранились многие древние рукописи. Благодаря заботливым рукам его насельников, экземпляры именно этих рукописей стали потом достоянием учёного мира. В их числе и известная копия «Слова о полку Игореве», попавшая затем к А. И. Мусину-Пушкину. Здесь знаменитый Филофей сформулировал идею вселенской ответственности России за православие, за человеческий род: «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не быти» [Малинин 1901, IX, 55].

Основал его в первой половине XV столетия монах Евфросин (ил. 2). Этот удивительный факт аномалии псковского сакрально-топографического пространства смогла сохранить неизменно на протяжении пяти сотен лет только культурная память города. И чтобы понять, каким образом образовалась такая аномалия псковского сакрального пространства, да к тому же смогла сохраниться, необходимо обратиться к истории развития местной церковной структуры в ее связях с социальными институтами Пскова, а также к истории жизни самого подвижника.

Ил. 2. Икона «Савва Крыпецкий с предстоящими и житием» (Псков, XVII век, 175x127 см.):
Источник: <https://clck.ru/32ZYTW>

Про источники

Источниками исследования являются: Житие Евфросина Псковского в нескольких редакциях XVI–XVII веков: первоначальная была написана предположительно в 80-х годах XV века¹, вторая редакция была написана известным псковским агиографом пресвитером Василием-Варлаамом около 1550 года. В ее основе лежит первоначальная редакция, однако автор второй редакции изменяет ход описанных в ней исторических событий². Вторая Васильевская редакция читается в большинстве списков, сохранившихся до нашего времени, которых около 50 [Охотникова 2001, 600–601]. Другие редакции Жития — проложные. Самая ранняя из них датируется серединой XVI века³. Все они являются сокращением Васильевской редакции, и значительных разночтений смыслового характера между ними нет. Другими надёжными источниками для характеристики личности преподобного Евфросина и событий его жизни являются его собственные сочинения: послания, монастырский устав⁴ и духовное завещание [Акты 1836, 83].

О герое

Итак, монах Евфросин Псковский, в миру Елеазар — преподобный подвижник, писатель (ил. 3). Это имя сегодня знакомо немногим, не говоря уже о знании основных событий его земной жизни, значении его трудов и подвигов. Отношение к преподобному Евфросину на всём протяжении времени, от дней его жизни в основанной им обители и блаженной кончины в конце XV столетия и вплоть до нашего XXI века, остаётся неоднозначным. Те же, кто хоть что-то слышал о нём, часто связывают его жизнь со старообрядческим расколом, даже не подозревая о том, что он жил за двести лет до этого события.

Монах Евфросин не только принадлежал непосредственно к одному из мощнейших церковных институтов — монашеству, но и сумел стать во главе целого направления в нём — пустынножительного (регионального масштаба), явившись отцом-основателем псковского пустынножительства, первым псковским отшельником. В целом же во многих начинаниях этого монаха к нему можно применить эпитет «первый».

Он был первым псковским пустынножителем. До него вся монашеская жизнь Псковской земли сосредотачивалась в городах или пригородах. Ту роль, которую сыграл преподобный Евфросин в истории монашества псковского, сравнима по значимости с трудами Сергия Радонежского для монашества московского [Первушин 2004]. Те идеалы пустынножительства, первым представителем которого был преподобный Евфросин, нашли себе последователей. Эта новая форма монастырской жизни получила широкое распространение в Псковской земле, причём совершенно независимо от влияния идей пустынного монашеского жития, бытовавших в то время в северо-восточной Руси. Начиная с XV века, большинство известных псковских аскетов являлись либо учениками Евфросина, либо учениками его учеников. Можно с уверенностью сказать и то, что псков-

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, фонд 310 (собрание Ундольского), № 306 (далее так: ОР РГБ, ф. 310, № 306).

² Древнейший список редакции Василия находится в Государственном историческом музее, в отделе рукописей в Синодальном собрании (№ 634). Также она была издана, см. [Памятники 1862].

³ ОР РГБ, собрание Румянцева, № 397. См. также [Калиганов 1979, 43–44].

⁴ Подробные письменные уставы для монастырей, на основании существовавших отдельных правил и грамот, стали появляться только с конца XV века. Как считают исследователи, самым древним из них, сохранившимся до настоящего времени, является «Устав» преподобного Евфросина, написанный для основанной им обители, его датируют серединой XV века. Довольно подробно он разобран Н. И. Серебрянским в его «Очерках» [Серебрянский 1908, 258–293].

ское пустынножителство имело влияние и за пределами Псковской земли. Таким распространителем идеалов псковского монашества был, к примеру, преподобный Нил Столобенский [Димитрий 2001, 57 об.].

Ил. 3. «Евфросин Псковский».
Фрагмент иконы «Савва Крыпецкий
с предстоящими и житием»
Источник: <https://clck.ru/32ZYTW>

нём благоговейно пишут и староверы-книжники. Результаты этой двухсотлетней войны были неожиданны для всех. Василий Осипович Ключевский раскопал в 60-х годах XIX столетия в рукописном собрании Соловецкого монастыря, хранящемся тогда в Казанской духовной академии, первоначальную редакцию Жития Евфросина Псковского, которая изменила представления как о фактической жизни отшельника и его еретичестве, так и об этикетности в древнерусской агиографии (но об этом отдельный и долгий разговор [Первушин 2010]).

Кроме того, Евфросин первым основал действительный общежительный «богородный» монастырь, то есть без обязательного вклада при поступлении в него — «Бога ради». Он первым написал письменный устав для монахов. Подобные письменные уставы стали появляться только с конца XV века, уже после устава, написанного Евфросином⁵. Он был в числе немногих, кто, живя в эпоху отступления от православия и падения Византийской империи, не сомневался в авторитете Византийской Церкви в делах веры и церковной практики. Он большую часть своей чрезвычайно сложной и поистине трагичной жизни слыл у подавляющего большинства псковского общества еретиком. И, безусловно, сопротивлялся такому несправедливому, по его мнению, ярлыку. Снять его при жизни ему так и не удалось. За него это сделала смерть в 1481 году.

Спустя примерно ещё два столетия после этих событий на него вновь был повешен ярлык еретика, но уже Московским патриархом Никоном, в пылу полемики с защитниками старого обряда. Его имя методично вычёркивалось из русских святцев, стирая память о нем у потомков, предавая забвению не только его христианские заслуги и подвиги, но и само монашеское имя этого подвижника. Он единственный, чья личность была столь спорной, что вызвала молчаливое развенчание его из общероссийских святых (без каких-либо объяснений и расследований со стороны священноначалия, в отличие, например, от благоверной княгини Анны Кашинской), а потом такое же незаметное и тихое включение его в общероссийские святцы и т. д.

Со второй половины XVII века начинается литературная война за память об отшельнике. Его имя трепят и полемисты официального православия, о

⁵ По датировке Н. И. Серебрянского, устав написан в 1457–1461 гг. [Серебрянский 1908, 258].

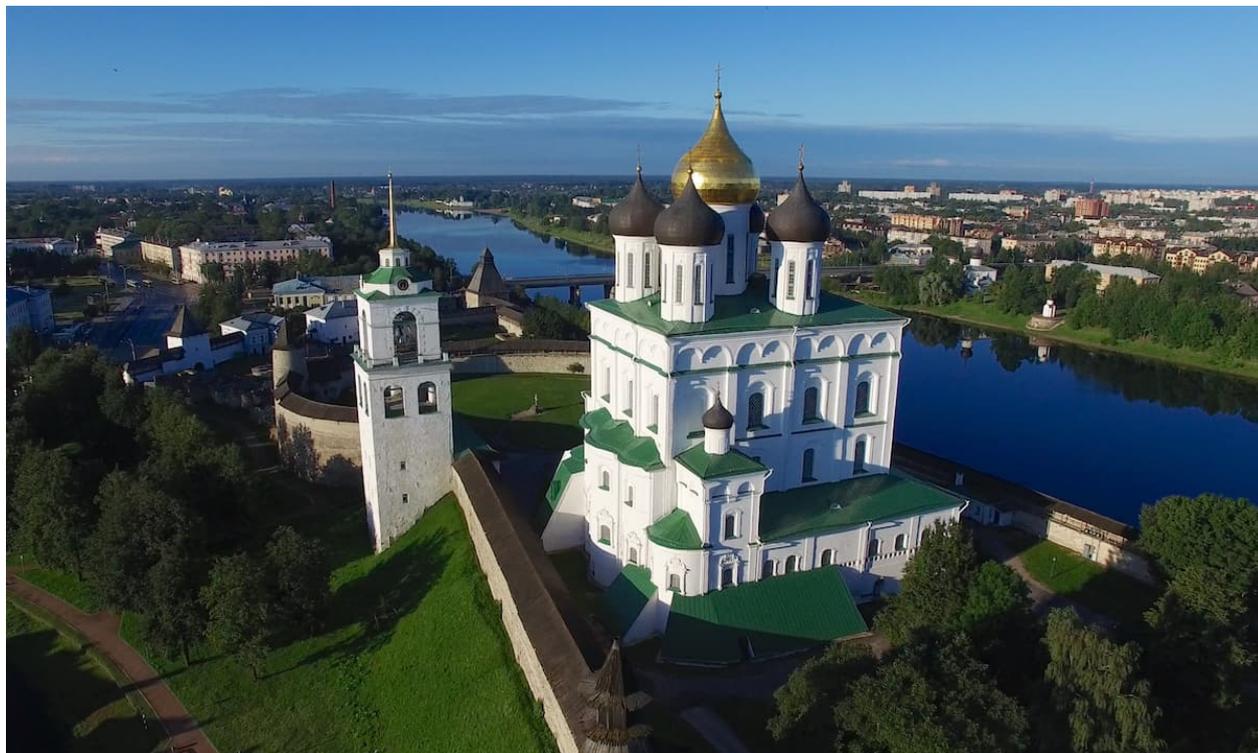
Уникальный топоним: причины и следствия

Безусловно, раскрыть каждую из этих перечисленных выше вех жизни святого Евфросина не представляется возможным из-за отсутствия времени. Сейчас нам интересны причины, которые смогли повлиять на культурную память города и создать такой уникальный сакральный топоним.

И, пожалуй, **первое** — это его ещё мирская известность среди псковичей. Его прекрасно знали как Елеазара, что подтверждается и поздним (возрастным) постригом около 40 лет, и наличием хорошего дохода, потому как имел в центре недвижимость (лавку), держал торговлю рыбой, а также мог легко позволить себе путешествие в Константинополь. Он был не последним человеком в городе.

Второе — это его неожиданно возросшую и продолжающую расти в определённый момент жизни в пустыни популярность среди горожан. Об этом широко свидетельствуют источники со слов его противников, обращённых к псковскому обществу: «Чающе его, яко человека Божиа», «яко агла помышляете», «великого отца имеаху», «яко Божиа ангела» [ОР РГБ, ф. 310, № 306. Л. 17, 18.]. О популярности преподобного и его монастыря говорит и то, что слух о нём дошёл до Новгорода. Даже оттуда приходил к нему священник «хотя... паче слуха видениемь... известити себе... яко слышалъ бе о <Евфросине> дивная и преславная» [ОР РГБ, ф. 310, № 306. Л. 97–97 об].

Третье. Конфликт с церковным начальством. Здесь требуется небольшое пояснение: псковская церковная администрация в XV веке имела достаточно развитую иерархическую структуру. Во главе этой системы стояли староста и клир Троицкого собора (ил. 4), далее располагались священники соборных храмов, а в самом низу этой пирамиды — рядовое духовенство.

Ил. 4. Свято-Троицкий кафедральный собор Пскова, современный вид:

Источник: <https://clck.ru/32ZYSu>

Фактическая независимость Псковской Церкви от Новгородского архиерея усиливала ее зависимость от светских органов власти и управления. Образование соборов возвышало власть их старост, которые, как правило, совмещали свою церковную должность с должностью светской — они могли быть одновременно посадниками, представителями псковского боярства или купечества и т. п. Многие церковные вопросы решались совместно с вечем. Церковные старосты занимались хозяйственными, финансовыми, делопроизводственными вопросами, представляли интересы прихода в гражданском суде, ведали наймом и расчётом священнослужителей. Троицкий староста курировал также и местные монастыри.

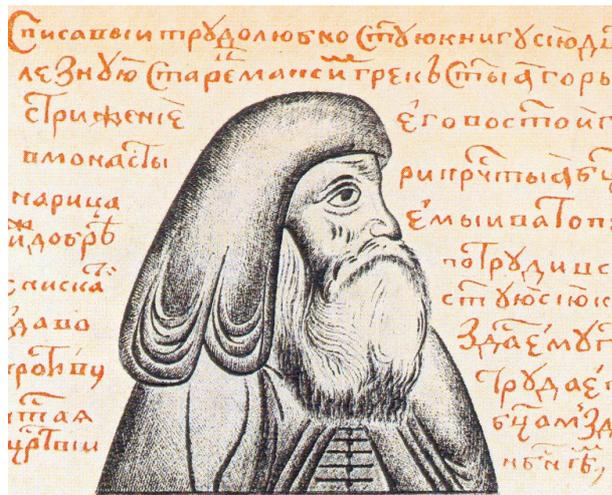
Этот конфликт пустынножителя и церковного начальства в конечном итоге привёл преподобного Евфросина к противостоянию со всем псковским обществом в целом. Причём, конфликт был инициирован самим начальством, чтобы снизить популярность отшельника среди горожан и восстановить ее у себя, т. е. соборян, а также прекратить этим отток духовных чад, а с ними и материальных средств, из-под их контроля. Мудрое начальство находит и ставит такое условие, на которое Евфросин точно не мог бы согласиться: изменение практики пения аллилуйи в его монастыре (есть предваряющая история, почему он не согласился бы, но ее мы опускаем в связи с другим ныне интересом). И действительно, он отказывается следовать общепринятому в Пскове обычаю и пишет обличительное послание духовенству Троицкого собора. Резкие выражения в послании, обличающие низкую нравственность псковского священства, настроили против Евфросина тех многих соборян, которые сначала лояльно относились к преподобному. Эта инициатива возбуждает в середине XV века в псковском обществе споры об аллилуйе, окончившиеся не в пользу отшельника.

Евфросин не задумывается о возможных последствиях своего противостояния, он рад пострадать за истину и показать этим пример стойкости и веры для своей братии. Те страдания и поношения от псковичей, выпавших на долю не только отшельника, но и братии его монастыря, Евфросин сравнивает со страданиями Христа, апостолов и мучеников, показывая тем самым, что стояние за правду Божию не может быть без страданий и вознаграждается венцом. Этими сравнениями он старается утешить и поддержать окружавшую его братию в борьбе за истину, за которую нужно быть готовым идти в изгнание и на смерть. И когда монахи приходили в город «на дело монастырское... народ же, видевше их, яко из обители есть преподобнаго витают въ граде пред очима их, и ту паче роспыхноваху на них... яко паче осе или яко пчѣлы сот развирепевше, наискахут нань, обходяще, укаряюще руганиемь, уязвляюще нелепыми словесы, яко прящным камение, глаголюще сице: яко сии суть из монастыря от онъсица еретика пришли, от двоащаго пресвятая алилугия» [ОР РГБ, ф. 310, № 306. Л. 44–44 об]. Если же кто проходил или проезжал мимо Евфросинова монастыря, то обязательно показывал своё неуважение «укаряху преподобнаго и ругахуся ему глаголаху: авва, рекуще сице, ту еретик живѣт, и недостоитъ нам поклонитися церкви его... и тако мимогрядяху, ни скударь з главъ съемлюще» [ОР РГБ, ф. 310, № 306. Л. 46 об].

Пытаясь спасти ситуацию, преподобный Евфросин пишет послание и к Новгородскому архиепископу Евфимию, с просьбой рассудить «прю межоусобную» [ОР РГБ, ф. 310, № 306. Л. 47 об]. Однако положительного решения от архиепископа Евфимия получено не было. Кроме того, полемическая переписка шла и между сторонниками Евфросина, и сторонниками псковского священноначалия. Из неё сохранился один любопытный памятник — «Послание к Афанасию, ктитору общежительной лавры святого Николы» [Послание

1866]. Однако обе стороны конфликта так и остались, в результате, при своих взглядах. Спор более не возобновлялся, а церковная полемика кончилась тем, чем, к сожалению, так легко и часто она кончается: с одной стороны — обличением в ереси и различными хулами, с другой, более достойно, — скорбью о неразрешенном вопросе.

Эта скорбь тянулась до смерти Евфросина. Всё это время он оставался для псковичей еретиком. Большинство горожан после двадцатипятилетнего бойкота Евфросину имели смутное представление о его обители и о нём самом (учитывая ранний возраст смерти в тот период и быструю смену поколений). Автору первоначальной редакции Жития Евфросина приходилось пояснять им даже название монастырского храма: «Бяше храм бысть трм святым в обители Ефросима преподобнаго» [ОР РГБ, ф. 310, № 306. Л. 108 об]. Более того, можно предположить, что Псковские соборы могли легко лишиться монашества Евфросина и даже без санкции на то правящего новгородского архиерея. Эти соборы, как правило, редко спрашивали санкции на решения внутренних вопросов псковской церковной жизни у новгородского иерарха, предпочитая всё решать самим⁶. Что ещё более оправдывает наименование монастыря и возврат к мирскому имени преподобного. Нет ни одного свидетельства ни в одном из известных источников о том, что перед смертью монах Евфросин принял схиму с прежним (мирским) именем, став вновь Елеазаром. Не было подобной практики в те времена и в рамках Студийского устава, а Иерусалимский устав только начинал овладевать умами и территориями⁷.

Ил. 5. Портрет Максима Грека
(миниатюра из рукописного тома сочинений
Максима Грека, конец XVI века)
Источник: <https://clck.ru/32ZYSN>

Четвёртое. В начале XVI столетия при святителе Геннадии Новгородском преподобный Евфросин стал известен в Новгороде. Споры о сугубой аллилуйе, вновь возникшие на рубеже двух веков, говорят о том внимании, которое было обращено на личность преподобного после его смерти. Об актуальности этих споров в начале XVI века свидетельствует и высказывания преподобного Максима Грека (ил. 5) о практике пения аллилуйи⁸. Но псковичи тяжело перестраивались в отношении к Евфросину. Им легче было принять его богослужбную практику, чем изменить топоним, к тому же уже мало кто понимал тогда, почему именно так именуют монастырь.

⁶ См., например, решение псковского собора 1469 года: «Священники, пять соборов, и посадники псковьския, и вси мужи псковичи отлучися от службы святых священных таин вдовых попов по правиломъ святых отецъ» [Псковские летописи 2003, 73].

⁷ То, что топонимы, если они и появляются, имеют очень крепкую связь с тем местом, которое именуют, свидетельствует факт существования в современной истории города Стамбул и такой же факт отсутствия города Константинополь (хотя турки и не думали переименовывать столицу Византии). Интересующимся этим вопросом, дабы не быть навязчивым, предоставляю полную самостоятельность в поиске нужной литературы, благо ее очень много на бескрайних просторах мировой сети.

⁸ Всего перу преподобного Максима принадлежит до 365 текстов разнообразного характера, в том числе и о сугубой аллилуйе. ОР РГБ, ф. 304, № 200. Л. 274–275 об. (издано в [Максим 2014, 272–275]).

После 13 января 1510 года, когда Псков потерял свою независимость, великий князь Василий III вывел в Москву 300 знатных псковских семей. Пришла новая власть, которой не было дела до топонимики городского сакрального пространства, а уж тем более её изменения.

Пятое. Монастырь преподобного Евфросина был в Псковском регионе духовным центром объединения земель вокруг Москвы. В то время как Псково-Печерская обитель, например, выступала за сохранение псковской независимости, в Елеазаровом монастыре объединились учёные мужи, отстаивавшие необходимость усиления государства вокруг Москвы. Главным выразителем этой идеи был всё тот же игумен Филофей. В своих сочинениях он заявляет о решительной поддержке великого князя как «браздодержателя святых Божиих престол» [Малинин 1901, IX, 45]. В обители этот союз Москвы и Пскова зримо обозначен в архитектуре храма. В XV веке был построен величественный, огромных размеров, каменный Трёхсвятительский собор традиционной псковской архитектуры, чуть позже к нему пристроили придел Рождества Пресвятой Богородицы в московском стиле. Два храма составляют единый соборный комплекс, дополняя друг друга. По замыслу строителей, Псков мыслился как начало русской государственности, Москва – как её становление и величие.

Это отчасти и могло явиться причиной непопулярности обители у псковичей, а также отсутствия желания пересматривать свои же а-сакральные топонимы.

Шестое. К середине XVI века уже большинство храмов Русской Церкви следовали практике преподобного Евфросина в пении аллилуйи. В связи с такой повсеместной распространённостью этой практики пения стали забываться как сами споры, так и их участники. И это вполне объяснимо: потребность в защите той или другой практики отпала, а значит, отпала и необходимость в тех, кто эту защиту представлял, и на чьём авторитете она держалась. Из-за того, что о преподобном Евфросине, кроме как защитнике аллилуйи, никто больше ничего не знал, то уже через четверть века после архиепископа Новгородского Геннадия при святителе Макарии о нём стали забывать повсеместно. Исключение составляла лишь сама обитель преподобного, где ещё оставались ученики учеников святого. Да и там, к сожалению, не смогли написать полноценное Житие основателя обители.

Вспомнили о преподобном только благодаря грамоте о соборном уложении 1547 года с просьбой царя Ивана Васильевича ко всем святителям земли Русской «известно пытати и обыскивати о великих новых чудотворцах» [Голубинский 1903, 105–106]. Наскоро было написано Василием-Варлаамом житие Евфросина «со старых лекал», и страдалец за аллилуйю, наконец, был канонизирован в 1551 году. Страдания его, уже посмертные, на этом, правда, не закончились, а лишь утихли на некоторое время.

Это соборное решение никак не повлияло на степень распространённости почитания святого Евфросина в церковной литературе того периода. Такое отношение к памяти теперь уже общецерковного святого наблюдается не только в случае с преподобным Евфросином, но и у других «новых чудотворцев» и даже ранее прославленных святых. Е. Е. Голубинский доказывает, что у нас не было обязательным обычаем вносить в месяцеслов и в святцы всех русских святых, канонизированных к общему празднованию. Только к середине XVII столетия преподобный Евфросин становится более-менее общепочитаемым

святым. Во всяком случае, месяцесловы и святцы по большей части уже содержат его имя. Но тут вновь возникают перипетии с его именем.

Седьмое. Так в середине XVII века встал вопрос о недостатках, касающихся обрядов, и необходимости их исправления согласно традициям греческой Церкви. Практика пения аллилуйи Евфросином подверглась сомнению и была раскритикована, а с ней и сам преподобный. С лёгкой руки патриарха Никона он вновь становится если не еретиком, то злодеем, не имеющим никакого авторитета: «Вор-де, блядин сын Евфросин» [Материалы 1875, 162].

Евфросину не помог даже Большой Московский собор, который несколько откорректировал мнение Никона, указав на ошибки автора второй редакции Жития (Василия-Варлаама), а не на самого преподобного: «Не от Евфросина стало, но от списателя Евфросинова Жития, дьявольским наветом. Солгано на преподобнаго Евфросина от списателя Жития его» [Деяния 1881, 30–31]. Дальнейшая история вопроса показала, что неверное отношение к преподобному, которое было у патриарха Никона (ил. 6), всё же возобладало, несмотря на соборное определение.

Ил. 6. Патриарх Никон (неизвестный художник, последняя четверть XVII в.):
Источник: <http://nav.shm.ru/exhibits/1667/>

До 1682 года преподобный Евфросин всё ещё принадлежал к числу общепочитаемых святых. Его имя находилось в богослужебном Уставе, в месяцеслове под 15 мая. При подготовке к изданию Устава 1682 года преподобный был вычеркнут из Устава уже в процессе печатания последнего, и, вероятно, по единоличному решению самого патриарха Иоакима [Голубинский 1903, 169]. Таким образом, в конце XVII столетия преподобный Евфросин был лишён общецерковного почитания, и автоматически переведён в местночтимые святые, каким он и являлся в начале XVI столетия (по первому классу, согласно градации Е. Е. Голубинского: «Совершается собор его в обители его, идеже лежат мощи его и идеже храм его» [Голубинский 1903, 169]).

Выводы

Сакральная топография во многом формируется не только благодаря определённым церковным центрам (высшему духовенству или монашеским общинам, которые стремились объединить церковную жизнь вокруг своего центра, собора или монастыря), власти города или государства, но и в результате их борьбы между собой, в которой принимали участие также и рядовые жители. В ходе такого соперничества сакральная структура города складывалась урывочно и не соответствовала какому-либо плану или идеалу, если таковой вообще был. Через призму истории церковных институтов в их связях и отношениях с городским обществом можно выявить, что же порождало черты своеобразия, особенности структуры сакрального пространства города (в нашем случае Пскова).

Важнейшая задача в изучении сакрального пространства — восстановить связь городской среды с идейными программами прошлого, с намеренным и ненамеренным воздействием представлений рядовых горожан и правителей города на процесс его изменения. Причём такое изучение в первую очередь относится к сфере истории сознания, истории намерений видоизменить среду, а отчасти — к истории знаний о ней и отражения её в сознании современников.

Город в христианской культуре — это не просто текст, но и «сакральный образ, икона, и на этом основании к нему применимы все те семиотические процедуры, которые используются для понимания иконографии» [Аванесов 2016, 81]. И тогда рассмотренный нами пример — это иконный визуальный нарратив, сюжетное изображение, житийное или праздничное клеймо, призванное ориентировать реципиента на религиозное переживание реальности как системы сакральных смыслов.

В чём смысл нашего клейма? Как мы уже отмечали, сакрализация среды жизни обязательна. Это бесспорно. И она формирует особое, свойственное только данному обществу пространство как священное, так и а-священное. Именно последнее и являет рассматриваемый пример в ключе города-иконы. Топоним, указывающий на мирское имя основателя монастыря, вычёркивает его в первую очередь из церковной среды, как расстригуретика, но в топонимике городского сакрального пространства он необходим, он остаётся как, например, обязательное присутствие изображения нечистых духов (ил. 7) на некоторых сюжетных иконах (ил. 8).

Ил. 7. Рождество Христово.
Фрагмент: «Искушение праведного Иосифа»
(икона Андрея Рублёва, 1405 г.)
Источник:
<https://clck.ru/32ZYRE>

Ил. 8 Рождество Христово
(икона Андрея Рублёва, 1405 г.)
Источник:
<https://clck.ru/32ZYRE>

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2016 — *Аванесов С. С.* Сакральная топика русского города // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. Вып. 1 (7). С. 71–114.
- Акты 1836 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Т. I (1294–1598 гг.). Санкт-Петербург, 1836.
- Алексеева 2020 — *Алексеева Н. В.* Сакральная топография г. Череповца Новгородской губернии: особенности формирования // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2020. Т. 4. № 1. С. 141–177.
- Баталов, Беляев 2010 — *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Сакральное пространство средневековой Москвы. Москва, 2010.
- Голубинский 1903 — *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. Москва, 1903.
- Деяния 1881 — Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 годов. Москва, 1881.
- Димитрий 2001 — *Димитрий Ростовский, святитель.* Жития святых. Кн. 2: Декабрь–февраль. Тутаев, 2001.
- Калиганов 1979 — *Калиганов И. И.* Заметки о русской проложной редакции жития Георгия Нового // *Palaeobulgarica.* Sofia, 1979. № 1. С. 35–59.
- Максим 2014 — *Максим Грек, прп.* Сочинения. Т. 2. Москва, 2014.
- Малинин 1901 — *Малинин В. Н.* Старец Елеazarова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
- Материалы 1875 — Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова». Т. 1. Москва, 1875.
- Охотникова 2001 — *Охотникова В. И.* Краткая редакция жития Евфросина Псковского по рукописи из собрания Овчинникова (РГБ) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 52. Санкт-Петербург, 2001. С. 600–614.
- Первушин 2004 — *Первушин М. В.* Преподобный Евфросин Псковский в контексте русской церковной истории // Церковно-исторический вестник. Москва, 2004. № 11. С. 95–112.
- Первушин 2010 — *Первушин М. В.* Житие преподобного Евфросина Псковского: некоторые аспекты изучения // Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 15. Москва, 2010. С. 13–186.
- Памятники 1862 — Повесть о Евфросине Псковском // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 4: Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлечённые из рукописей Николаем Костомаровым. СПб., 1862.
- Послание 1866 — Послание к Афанасию, ктитору великия лавры святого Николы, о трегубой аллилуиа // Православный собеседник. Казань, 1866. Ч. 2. С. 137–166.
- Псковские летописи 2003 — Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Том V. Вып. 1. Москва, 2003.
- Серебрянский 1908 — *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. Москва, 1908.

REFERENCES

- Avanesov 2016 — Avanesov S. S. Sacred Topic of the Russian cities. *ИПАЭИМА. Journal of Visual Semiotics*. 2016. Issue 1 (7). P. 71–114. In Russian.
- Acts of 1836 — Acts collected in the Libraries and Archives of the Russian Empire. Vol. I (1294–1598). St. Petersburg, 1836. In Russian.
- Alekseeva 2020 — Alekseeva N. V. Sacred Topography of the City of Cherepovets, Novgorod Governorate: Peculiarities of Formation. *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*. 2020. Vol. 4. 1. P. 141–177. In Russian. DOI: <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-1-5>. In Russian.
- Batalov, Belyaev 2010 — Batalov A. L., Belyaev L. A. Sacred Space of Medieval Moscow. Moscow, 2010. In Russian.
- Golubinsky 1903 — Golubinsky E. E. History of the Canonization of Saints in the Russian Church. Moscow, 1903. In Russian.
- Acts of 1881 — Acts of the Moscow Councils of 1666 and 1667. Moscow, 1881. In Russian.
- Demetrius 2001 — Demetrius of Rostov, Saint. Lives of the Saints. Book. 2: December-February. Tutaev, 2001. In Russian.
- Kaliganov 1979 — Kaliganov I. I. Notes on the Russian Prologue Edition of the Life of George the New. *Palaeobulgarica*. Sofia, 1979. 1. P. 35–59. In Russian.
- Maxim 2014 — Maxim Grek, rev. Works. Vol. 2. Moscow, 2014. In Russian.
- Malinin 1901 — Malinin V. N. Elder of the Eleazarov Monastery Philotheus and his Messages. Kyiv, 1901. In Russian.
- Materials 1875 — Materials for the History of the Split during the first Period of its Existence, published by *Brotherly Word*. Vol. 1. Moscow, 1875. In Russian.
- Okhotnikova 2001 — Okhotnikova V. I. Brief Edition of the Life of Euphrosynus of Pskov based on a Manuscript from the Collection of Ovchinnikov (Russian State Library – RSL). *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 52. St. Petersburg, 2001. P. 600–614. In Russian.
- Pervushin 2004 — Pervushin M. V. Rev. Euphrosynus of Pskov in the Context of Russian Church History. *Church Historical Bulletin*. Moscow, 2004. 11. P. 95–112. In Russian.
- Pervushin 2010 — Pervushin M. V. The Life of St. Euphrosyn of Pskov: some Aspects of Study. *Hermeneutics of Old Russian Literature: Collection 15*. Moscow, 2010. P. 13–186. In Russian.
- Monuments 1862 — The Tale of Euphrosyne of Pskov. *Monuments of ancient Russian literature, published by Count Grigory Kushelev-Bezborodko*. Issue. 4: Tales of religious content, ancient teachings and messages extracted from manuscripts by Nikolai Kostomarov. St. Petersburg, 1862. In Russian.
- Epistle 1866 — Epistle to Athanasius, ktitor of the great Lavra of St. Nicholas, about the trebly hallelujah. *Orthodox interlocutor*. Part 2. Kazan, 1866. P. 137–166. In Russian.
- Pskov Chronicles 2003 — Pskov Chronicles. Complete collection of Russian chronicles. Vol. V. Issue. 1. Moscow, 2003. In Russian.
- Serebryansky 1908 — Serebryansky N. I. Essays on the History of Monastic Life in the Pskov land. Moscow, 1908. In Russian.

Материал поступил в редакцию 12.09.2022
принят к публикации 29.10.2022